

ДАЖЕ САМЫЙ БОЛЬШОЙ КУЛАК НЕ МОЖЕТ ГРОЗИТЬ НЕБУ

Искусство - 1994 - 14 мая - с. 4.

Владимир Татлин в Третьяковке на Крымском валу

Олег САПОЖКОВ, художник

Столь полной персональной выставки произведений основателя отечественного конструктивизма у нас еще не было. Творчество и личность Владимира Еврафовича Татлина до сих пор вызывают споры, многое в судьбе его остается неизвестным, большинство работ погибло или было утеряно.

Несмотря на то, что эпохальным произведением Татлина признается проект башни «Памятник III Интернационала», надо знать, какой был ранний Татлин. Незамутненный идеологическими вихрями социальных катаклизмов, он был видным участником скандально модных выставок в Москве в 1912–1914 годах. Имя Владимира Татлина прочно закрепилось среди лидеров художественного авангарда.

Татлин многое не понимал в жизни, был нетерпим, с трудом переносил критические замечания, и это помешало ему понять и принять Казимира Малевича, с которым он то дружил, то ссорился.

Критерий красоты был главным для Татлина, но он явно об этом не заявлял, возможно, стесняясь быть уличенным в буржуазном «эстетстве». В 1920-е годы, занимаясь художественным конструированием (дизайном, как мы бы сейчас сказали), Татлин выдвигает ряд эстетических требований к формированию предметной среды, (нормаль-одежда, «поильники» для вскармливания грудных младенцев, стул из гнутого дерева, полиграфические работы и сценография), в которых полемизирует со своими «последователями» под лозунгом «Долой татлинизм!» «Ни к новому, ни к старому, а к лучшему!» становится девизом его группы. Между тем отовсюду слышались возгласы: «Искусство на службу технике!» Такая узкая и ущербная установка, отчасти принятая художником как задача, оскотплала концептуальную чистоту его вещей-идей, вещей-задач, вещей-идеом. Она одновременно будоражила социальные амбиции художника, но и убива-

ла в нем свободу.

Занимая почетные посты в различных художественных комиссиях, став в 1926 году профессором Киевского художественного института, Татлин продолжал верить: человек есть мера всех вещей. В контексте этой художественной тенденции им был создан проект циклопического монумента, рассчитанного на высоту до 400 метров, — «Памятника III Интернационала», который, по сути дела, стал еще одной, в данном случае модернистской попыткой, создания «вавилонской башни», примером безумной и самонадеянной человеческой гордыни, истерическим вызовом Времени и Пространству, являясь прообра-

зом сжатого кулака, грозящего Небу.

Следует по достоинству отметить это невольное, от того не менее гениальное и потрясающее откровение художника о патологической природе революционной утопии, идеологии которой, растоптав «старые» нравственные идеалы и духовные принципы, решили достать мускулистой пролетарской рукой до Небес, «составить себе имя», сделаться «яко боги». Реконструкция этого проекта 1992–1993 гг., представленная на выставке, серая по цвету и, на мой взгляд, зловещее (в контексте последних социальных потрясений) зрелище, представляется новой метаморфозой

древнего библейского Левиафана, вновь вырвавшегося на свободу из жуткой мистической бездны, в которую он был до времени заключен, с тем чтобы опять закрутить, накуролесить, поглумиться вволю над слабой природой человеческой — и вновь исчезнуть.

Как знать, может быть, теперь, в назидание уже нашим детям действительно стоит осуществить этот безумный проект: смотрите и не забывайте — вот сатана раскорманный.

Идея проекта, имевшая в конечном счете три варианта, ни один из которых не был осуществлен и не сохранился до наших дней в подлинниках, сыграла злую, мистическую роль в трагической судьбе Владимира Татлина.

Да, именно чувство трагизма возникает от созерцания тех старых документальных фотографий, что представлены на выставке и в ее каталоге. То же чувство подступает к вам, когда вы разгадываете произведения мастера после 1933 года, когда его вытравляли из привычной жизни. Трагическая беспомощность раздавленного поколения, чувство безысходности, щемлящая тоска.

Талант большого художника не был востребован полностью, Татлин как бы не вовремя родился. Рассматривая его театральные эскизы за период с середины 30-х годов до конца 40-х, не нужно иметь специальной подготовки, чтобы заметить, какая пропасть отделяет их от прежнего конструктивиста Татлина: линия как знак энергии сердца деградировала, стала зыбкой, вялой, трясущейся. Живопись и графика того же времени — это мучительное и долгое угасание безумно страдающей, но все же подавленной творческой личности.

Предчувствуя роковым и неотвратимым образом сужающееся кольцо блокады, художник еще надеется обыграть судьбу, объехать ее на кривой: он создает в 1929–1932 годах грандиозную конструктивно-артистическую провокацию, профанацию индивидуального летательного аппарата XX века — «Летатлин», надеясь на успех и признание. Однако жизнь суровее утопических фантазий, примером тому была поездка Владимира Татлина по приглашению ОГПУ на строительство Беломо-

ро-Балтийского канала. Действительность корезила реальные человеческие судьбы; на Украине — голод, каннибализм. Запуганный насмерть крестьянин на коленях вползает в колхоз. Храмы осквернены, имущество церковное и народное разграблено, святители Христовы или замучены, или страдают в заточении. Все дышит грандиозным террором, репетиции которого проходят с неизменным успехом. И вдруг среди этого кошмара как греза затуманенного, помутненного сознания очевидца и молчаливого свидетеля этих событий, как реакция ребенка на сильный страх — вдруг фантастическое видение трех птеродактилей с «человеками» на борту.

Ни его выставки, ни показательные встречи, ни летные испытания «Летатлина» не дали спасительного результата — в начале 1933 года художника постигает разгром — жестокая критика за «формализм в искусстве» и окончательное резюме: «Татлин — никакой художник». После чего его насильственно выбрасывают из официальной художественной среды, лишают возможности заработка. Многие отворачиваются или злословят.

К тому же уходят любимые женщины, в Великую Отечественную погибает сын. Жизнь кажется конченной, но ему надо жить дальше, значит, снова страдать. Именно таким предстает нам выдающийся художник на одной из последних фотографий: «Татлин с бандурой» (конец 40-х).

Феноменально художник беззащитен перед обществом и властью.

...С сожалением признались музейные работники, с которыми мне довелось разговаривать на выставке Владимира Татлина, что истинные произведения изобразительного искусства все меньше волнуют сограждан. Великолепные выставки в стенах ГТГ собирают немного посетителей, хотя именно сейчас открывается то, ради чего еще лет 10 тому назад давились бы в очереди. А жаль, что за мучительными житейскими буднями мы не находим время пойти и увидеть то, что стоит над временем. То, что простирается и в прошлое, и в будущее, живет в настоящем, с чем мы, соприкасаясь постоянно, не узнаем своего родства.